

Пушкинъ.

(Окончаніе *)).

Въ іюль 1824 года Пушкинъ долженъ былъ переселиться изъ Одессы въ Михайловское,

въ глубь лѣсовъ Тригорскихъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ,

«и былъ печалень мой пріѣздъ», прибавляетъ поэтъ. Дѣйствительно, первые мѣсяцы пребыванія изгнанника подъ кровомъ отцовскаго дома были омрачены не только горькимъ чувствомъ одиночества и грустью по оставленной Одессѣ, но и крайне ненормальными отношеніями, въ какія былъ поставленъ Пушкинъ, когда отцу его предложено было содѣйствовать полицейскому надзору за опальнымъ сыномъ и распечатывать его переписку. Бурная сцена съ отцомъ подѣйствовала на поэта такъ сильно, что онъ хотѣлъ уже обратиться къ правительству съ просьбою перевести его въ какую-нибудь крѣпость. «Добрый геній» Пушкина, Жуковскій, уладилъ все дѣло: родители поэта переѣхали въ Петербургъ и оставили опальнаго сына въ покоѣ и одиночествѣ. За исключеніемъ семейства Осиповыхъ, А. Н. Вульфа, да лицейскихъ своихъ товарищей—Дельвига и Пуцина, пріѣзжавшихъ на короткое время въ Михайловское, Пушкинъ за всѣ два года своей деревенской жизни не видалъ, какъ говорится, ни одной живой души. Въ первое время онъ не въ силахъ былъ примириться съ такимъ необычнымъ для его живой и общительной натуры положеніемъ и снова сталъ подумывать о побѣгѣ за границу, о которомъ серьезно переписывался съ братомъ и друзьями. «Стыжусь», говорилъ онъ, что доселѣ не имѣю духу исполнить пророческую вѣсть, что разнеслась недавно обо мнѣ; глупо часъ отъ часу вязнуть въ жизненной грязи» (VII. 97). Пушкинъ вполне сознавалъ, что на чужой сторонѣ, среди чужого общества, ему придется встрѣтить мало радостей и, можетъ быть, даже испытывать нужду; но жизнь на родинѣ, въ тѣхъ условіяхъ, въ какія онъ былъ тогда поставленъ, казалась ему невыносимой, и для того, чтобы отъ нея избавиться, онъ уже готовъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ:

*) См. „Образованіе“ № 5—6.

Презрѣвъ и шопоть укоризны,
И зовъ обманутыхъ надеждъ,
Иду въ чужбину, прахъ отчизны
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ,
Умолени, сердца шопоть сонный,
Привычки и довольства гласъ...

Друзья, которымъ онъ довѣрилъ свою тайну, старались удержать его отъ этого опаснаго шага, — да и самъ онъ скоро убѣдился въ неисполнимости своего замысла и рѣшилъ дѣйствовать иначе: съ тою наивною, которая не оставляла его и въ позднѣйшіе годы его жизни, онъ обратился, лѣтомъ 1825 года, прямо къ государю и, ссылаясь на свою болѣзнь, требующую серьезнаго леченія (аневризмъ), просилъ дозволенія поѣхать «куда-нибудь въ Европу» (VII, 131), — ему, ссыльному, не имѣвшему права являться безъ особаго разрѣшенія даже въ ближайшій губернской городъ!... Отвѣтомъ на эту наивную просьбу было разрѣшеніе лѣчиться во Псковѣ, гдѣ въ тѣ времена, кажется, и врачей-то не было, а были только ветеринары.

Итакъ, Пушкинъ опять остался «на безлюдномъ островѣ», какъ называлъ онъ свое Михайловское (VII, 140). Въ этой новой для него обстановкѣ, среди невольнаго досуга, поэтъ находить единственную отраду въ литературныхъ занятіяхъ; его творческій гений мужаетъ и крѣпнетъ, пріобрѣтая новую силу и оригинальность; его требованія отъ жизни, его идеалы становятся опредѣленнѣе; живя въ непосредственной близости съ простымъ народомъ, онъ начинаетъ интересоваться его бытомъ, возрѣніями, прислушивается къ его сказкамъ и пѣснямъ, въ которыхъ открываетъ «много истинной поэзіи», — наконецъ, обращается къ русской исторіи. «Вечеромъ слушаю сказки», — наконецъ, пишетъ онъ брату, — «и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго моего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!» (VII, 88). Заинтересованный сказками и пѣснями, поэтъ записываетъ тѣ и другія и потомъ, время отъ времени, пользуется ими, вводя народные мотивы въ свою поэзію. Любопытно прослѣдить это постепенное наростаніе народныхъ элементовъ въ творествѣ Пушкина. Первый отзвукъ народной поэзіи мелькомъ является въ одной изъ его кипиневскихъ тетрадей 1822 года, въ видѣ очень короткой, всего въ нѣсколько строкъ, программы сказки о царѣ Салтанѣ (эта сказка, гораздо подробнѣе записанная Пушкинымъ шесть лѣтъ спустя, получила окончательную обработку только въ 1831 году); но затѣмъ до второй половины 1824 года мы не встрѣчаемъ въ поэзіи Пушкина ни малѣйшаго намека на народность. Поворотнымъ пунктомъ въ этомъ отношеніи является 1824 годъ: записывая сказки и пѣсни, поэтъ уже дѣлаетъ ихъ достояніемъ своего творчества: въ 3-й главѣ «Овѣгина» мы видимъ уже вполне выдержанный въ народномъ духѣ разсказъ няни и затѣмъ — пѣсню дѣвушекъ. Любопытно, что въ первоначальной редакціи этой 3-й главы Пушкинъ заставилъ дѣвушекъ пѣть прямо народную пѣсню: «Вышла Дуня на дорогу, не

молившись Богу», — но потомъ сочинилъ свою: «Дѣвицы-красавицы».

Начиная съ 1825 года, когда былъ написанъ «Борисъ Годуновъ», Пушкинъ все болѣе и болѣе увлекается въ своей поэзіи народными мотивами. Въ это время онъ пытается переработывать пѣсни о Разинѣ,—этомъ, по его выраженію, единственномъ поэтическомъ лицѣ нашей исторіи (VII, 88). Мы знаемъ, что извѣстный собиратель нашихъ народныхъ пѣсенъ И. В. Кирѣевскій при самомъ началѣ своего труда получилъ отъ Пушкина уже готовый, довольно обширный сборникъ. Впослѣдствіи, въ 1836 году, по просьбѣ французскаго писателя Леве-Веймарса, посѣтившаго Петербургъ и желавшаго познакомиться съ русской поэзіей, Пушкинъ перевелъ на французскій языкъ одиннадцать народныхъ пѣсенъ; въ то же время онъ чрезвычайно интересовался легендами, внимательно читалъ Чети-Миней, слѣдилъ за работами извѣстнаго археолога И. П. Сахарова. Такимъ образомъ, пробудившійся въ немъ интересъ къ народной жизни и поэзіи уже не покидалъ его и нерѣдко заставлялъ его именно въ этой области искать вдохновенія. Начиная съ 1825 года, мы видимъ цѣлый рядъ произведеній, созданныхъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого духовнаго общенія поэта съ народомъ. Въ 1825 году написана сказка «Женихъ»; затѣмъ, въ слѣдующемъ году, въ 5-й главѣ «Онѣгина» Пушкинъ даетъ рядъ поэтическихъ картинъ зимней деревенской жизни; къ 1828 г. относится «Утопленникъ» и прологъ къ «Руслану и Людмилѣ», представляющій поэтическое переложеніе отрывка изъ няининой сказки; въ 1830 г. написаны «Бѣсы», начало сказки «Какъ весной теплою порокъ» и «Повѣсти Бѣлкина» съ знаменитой «Исторіей села Горохина». Далѣе, въ 1831 — 34 гг. являются переложенія народныхъ сказокъ, записанныхъ поэтомъ со словъ своей няни; въ 1832 году—«Русалка», 1833—«Капитанская Дочка»,—и опять въ тетрадяхъ поэта попадаются народныя пѣсни... Достаточно назвать эти произведенія, чтобы видѣть, какъ вліяніе народной жизни и народной поэзіи постепенно растетъ въ творчествѣ Пушкина и все болѣе его захватываетъ. Поэтъ категорически заявляетъ убѣжденіе въ высокой поучительности народной поэзіи, которую писатель необходимо долженъ изучать, и старается опредѣлить, въ чемъ именно заключается такъ называемая «народность» въ литературѣ (V, 31, 232): «народность въ писателѣ, говоритъ онъ, — есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками; для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ—Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и пр. Все это, однако же, носить печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тѣма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную фізіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи». Поэтъ замѣчаетъ далѣе, что Шекспиръ «народенъ»

въ Отелло и Гамлетѣ, Лопе-де-Вега и Кальдеронъ — во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ дѣйствуютъ ихъ герои, Аріостъ—въ описаніи своихъ китайскихъ красавицъ и т. д. Изъ этого видно, что Пушкинъ придавалъ понятію о «народности» очень широкое толкованіе, отнюдь не ограничивая его «простонародностью».

Здѣсь уместно будетъ сказать нѣсколько словъ по поводу періодически всплывающаго въ нашей критикѣ вопроса о «народности» или «ненародности» Пушкина. Вопросъ этотъ, какъ уже давно замѣчено однимъ изъ остроумнѣйшихъ и глубокихъ русскихъ писателей, кажется не менѣе празднымъ, какъ и вопросъ о мировомъ содержаніи и значеніи поэтовъ. Если судить о «народности» на томъ основаніи, читаетъ или не читаетъ писателя простой народъ, то мы едва-ли начтемъ больше двухъ народныхъ поэтовъ въ цѣлой Европѣ, по той самой простой причинѣ, что мужикъ одинаково мало читаетъ и въ Европѣ, и у насъ. И здѣсь, и тамъ онъ не имѣетъ доступа къ литературному образованию, — большою частью потому, что ему некогда, что его время поглощено тяжелой поденной работой. Только случайныя обстоятельства знакомятъ народъ съ его поэтами: для этого надо, чтобы поэтъ жилъ въ народной средѣ, — чтобы народъ его не то что читалъ, а слушалъ. Такимъ былъ Вернесъ въ Шотландіи, жившій и пѣвшій среди горныхъ пастуховъ, а потому и памятный имъ, заучиваемый и передаваемый изъ поколѣнія въ поколѣніе. Литература повсюду мало доступна массамъ: Байронъ не знакомъ англійскому простонародію; Шекспира знаетъ городское населеніе, потому что бываетъ въ театрахъ; Гете и Шиллера знаетъ Германія, прошедшая черезъ гимназіи и университеты, а не та Германія, которая шесть дней работаетъ какъ волъ, а на седьмой отдыхаетъ за Библией и катехизисомъ. Вездѣ литература—достоянiе города, а не деревни,—и Пушкинъ въ нашемъ простонародѣ имѣетъ такъ же мало читателей, какъ и Шевченко и Кольцовъ, которые, по складу своего ума и рѣчи, безъ сомнѣнія, были «народными» поэтами.

Но если судить о «народности» поэта по складу его ума и рѣчи, то нельзя не сознаться, что Пушкинъ былъ, между прочимъ, и народнымъ поэтомъ, потому что его всеобъемлющая впечатлительность включала всякое содержаніе, отзывалась на всякое настроеніе и искала многоразличныхъ формъ, въ числѣ которыхъ была также и народная форма, какъ было и народное содержаніе. Стоитъ припомнить его стихотворенія на народные темы, чтобы не усомниться въ томъ, что онъ владѣлъ народной стихіей. Его такъ называемое «мировое» значеніе, по справедливому замѣчанію упомянутаго выше писателя, трудно опредѣлить вслѣдствіе неясности этого термина: если онъ относится исключительно къ политическому содержанію и вліянію поэзіи, то изъ числа мировыхъ поэтовъ придется исключить Гете; если же онъ относится къ научному содержанію, то только одного Гете и можно будетъ назвать мировымъ поэтомъ. Далѣе, если этотъ терминъ относится къ многоразличію, къ всеобщности содержанія,—въ противоположность той поэзіи, которая занята ис-

ключительно личнымъ чувствомъ, любовью къ женщинѣ, описаніемъ природы или вообще чѣмъ бы то ни было не общественнымъ и настроеннымъ только на одинъ тонъ,—то нельзя Пушкина не назвать мировымъ поэтомъ. Наконецъ, если «мировое значеніе» относится вообще къ вліянію поэта на современный міръ, то вліяніе Пушкина на русскій міръ было ничуть не меньше, чѣмъ вліяніе Гете и Шиллера на міръ Германскій. Что онъ не имѣлъ вліянія на Европу, — и это вполне понятно: мы для Европы были въ ту пору «просто народомъ»; изъ нашей среды небольшая кучка людей читала европейское, а нашего Европа вовсе не читала; наши интересы были ей или чужды, или враждебны. Для насъ, русскихъ, Пушкинъ несомнѣнно имѣетъ «мировое» значеніе: въ немъ отозвался весь русскій міръ и все европейское вліяніе на него, всѣ данныя, изъ которыхъ этотъ міръ сотканъ; въ немъ выразился своеобразный, русский взглядъ на жизнь, и языкъ выработался до художественной полноты. До сихъ поръ пушкинская форма и пушкинскій языкъ живутъ въ нашей поэзіи и не замѣнились другими формами; Пушкинъ остается высшимъ представителемъ русскаго поэтическаго творчества въ XIX столѣтіи,—сколько бы критика, въ дѣтской рѣзвости, ни колебала его треножникъ.

«Книгъ, ради Бога, книгъ,—это пища души!» пишетъ Пушкинъ брату изъ Михайловскаго, чуть не каждую недѣлю требуя все новыхъ и новыхъ посылокъ съ книгами. Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Библия, произведенія французской литературы старой и новой, мемуары Фуше, сочиненія Сисмонди и Шлегеля, Шатобрианъ, Ламартинъ, Гюго, наконецъ—Шекспиръ—вотъ чѣмъ питалась душа нашего поэта въ долгіе осенніе и зимніе вечера деренскаго одиночества. Въ эту пору окончательно сложились его взгляды на цѣли и задачи литературной дѣятельности вообще и поэтическаго творчества въ особенности. Въ своихъ сужденіяхъ о русскомъ языкѣ, о старой и современной литературѣ и о различныхъ литературныхъ направленіяхъ и вопросахъ, а также и объ отдѣльныхъ писателяхъ русскихъ и иностранныхъ поэтъ является передъ нами съ новой стороны,—въ роли критика, не всегда строго послѣдовательнаго, не всегда и справедливаго, но всегда оригинальнаго, остроумнаго и живого. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, къ Пушкину нельзя относиться съ требованіемъ строгой теоретической выправки, нельзя искать въ его воззрѣніяхъ какой-нибудь определенной системы, которой онъ былъ бы вѣренъ отъ начала до конца, во всѣхъ подробностяхъ; нельзя относиться къ нему такимъ образомъ потому, что поэтъ по самой природѣ своей всегда живетъ болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ, и въ своей дѣятельности является воплощеніемъ не анализирующаго логическаго мышленія, а живого непосредственнаго чувства, синтезирующаго полученныя имъ впечатлѣнія; человекъ богато одаренный, пылкій, впечатлительный, онъ легко поддается настроенію минуты, увлекается неожиданнымъ остроумнымъ сравненіемъ или выводомъ, случайной комбинаціей мыслей,—и тотчасъ же высказываетъ ихъ со всею прямою и

откровенностью, не давая себѣ времени для ихъ методической провѣрки и рѣдко возвращаясь къ одному и тому же предмету съ прежнимъ настроеніемъ. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда Пушкинъ, повидимому, принуждаетъ себя къ строгой логической послѣдовательности сужденій, эти сужденія являются какъ бы насильственнымъ развитіемъ первичной мысли: они холодны, сухи, вялы не доказательны; но тамъ, гдѣ онъ судитъ по первому впечатлѣнію, мы очень часто видимъ мысли удивительно мѣткія и вѣрныя; своимъ непосредственнымъ поэтическимъ чутьемъ онъ нерѣдко угадываетъ многое такое, до чего аналитическая критика договорилась только послѣ цѣлаго ряда умозрѣній. Указывая литературѣ высокую цѣль—поучать и просвѣщать общество, готовя для него къ сознательному воспріятію вышшаго изъ благъ,—свободы,—Пушкинъ самъ не былъ способенъ къ роли учителя, наставника, послѣдовательно развивающаго и доказывающаго опредѣленный рядъ мыслей и логически убѣждающаго въ ихъ правильности. Онъ ничего не доказываетъ; онъ только бросаетъ свои мысли въ видѣ афоризмовъ,—но эти афоризмы, часто брошенные мимоходомъ, дѣйствуютъ иногда гораздо сильнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ цѣлая цѣпь хитроумныхъ логическихъ аргументовъ. Таково свойство синтетическаго ума: онъ даетъ сразу полную, цѣльную картину, которая неотразимо врѣзывается въ умъ именно благодаря своей цѣльности и непосредственности; анализировать ее вы начинаете уже впослѣдствіи, и этотъ анализъ нерѣдко только еще больше подчеркиваетъ вѣрность перваго впечатлѣнія. Таково большинство сужденій Пушкина о русскихъ писателяхъ, старыхъ и современныхъ ему. Припомните его приговоры о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Тредьяковскомъ, Державинѣ,—о «Горѣ отъ ума»,—и вы согласитесь, что непосредственному чутью поэта удалось схватить самому суть дѣла, и что всѣ дальнѣйшія разсужденія анализирующей критики объ этихъ литературныхъ дѣятеляхъ и произведеніяхъ были только подтвержденіемъ случайныхъ афоризмовъ поэта.

Постараемся же сгруппировать эти афоризмы въ одно цѣлое, чтобы уяснить себѣ критическое отношеніе Пушкина къ нашей литературѣ.

Начнемъ съ того, что сказано поэтомъ объ органѣ нашей поэзіи,—о русскомъ языкѣ.

Какъ матеріалъ словесности, русскій языкъ, по мнѣнію Пушкина, имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми европейскими; но ему много повредило общее пренебреженіе къ нему со стороны образованныхъ людей: «всѣ наши писатели на то жаловались,—но кто же виноватъ, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются стихами, русскій языкъ ни для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ наши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ пред-

метовъ для пищи умовъ, которые уже не могутъ довольствоваться блестящими игрушками; но ученость, политика, философія по-русски еще не изъяснились. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣтность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно уже готовы и всѣмъ извѣстны (V, 19). Дай Богъ русскому языку когда-нибудь образоваться на подобіе французскаго, — яснаго, точнаго языка прозы, т. е. языка мыслей (VII, 136). Много виноваты, конечно, сами же наши писатели (III, 416):

Сокровища родного слова,—
 Замѣтятъ важные умы,—
 Для лепетанія чужого
 Пренебрегли безумно мы;
 Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
 Чужихъ нарѣчій погремушки,
 А не читаемъ книгъ своихъ.
 — Да гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ!
 Конечно, сѣверные звуки
 Ласкаютъ мой привычный слухъ;
 Ихъ любить мой славянской духъ;
 Ихъ музыкой сердечны муи
 Усыплены.. но дорожить
 Одними ль звуками пѣтъ?
 И гдѣ жъ мы первыя познанья
 И мысли первыя нашли?
 Гдѣ повѣряемъ испытанья?
 Гдѣ узнаемъ судьбу земли.
 Не въ переводахъ одичалыхъ,
 Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
 Гдѣ русский умъ и русский духъ
 Зады твердить и лжетъ за двухъ...

 Поэты наши переводятъ
 Или молчатъ; одинъ журналъ
 Исполненъ приторныхъ похвалъ,
 Тотъ — брани плоской; всѣ наводятъ
 Зѣвогу, скуку, чуть не сонъ:
 Хорошъ російскій Геликонъ!

Русскій языкъ еще ждетъ своей европейской общежителности. вмѣстѣ съ тѣмъ, наши писатели совсѣмъ напрасно замыкаютъ свою рѣчь въ узкія рамки книжнаго склада и не прислушиваются къ живому говору народа: «разговорный языкъ простого народа, не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ, достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій. Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвириямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ» (V, 136).

Для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка необходимо изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п., и критики наши напрасно относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ: нашъ языкъ богатъ

и прекрасенъ, свободенъ и не должно мѣшать его свободѣ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ языкѣ, какъ и въ самой Россіи, «все должно творить». Потому-то, «только революціонная голова можетъ любить Россію, и только писатель можетъ любить ея языкъ».

Эти замѣчанія о языкѣ приводятъ къ другому, близкому вопросу, — о слогѣ. Еще Карамзинъ высказалъ правило, что «писать слѣдуетъ такъ, какъ говорятъ, а говорить—такъ, какъ пишутъ»; Пушкинъ вполне раздѣляетъ это мнѣніе, которое въ его время далеко не было общимъ. Онъ иронизируетъ надъ писателями, которые, «почитая за низость изъяснять просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами». Наша критика въ этомъ отношеніи особенно отличалась мелочными придирками, которыя не разъ приходилось Пушкину испытывать на самомъ себѣ. Строгий къ себѣ поэтъ обращаетъ вниманіе на тѣ изъ указаній критики, которыя представляются ему основательными, и въ своей записной книжкѣ удѣляетъ мѣсто разнымъ грамматическимъ вопросамъ и сомнѣніямъ (см. V, 135). Но противъ несправедливаго педантизма оцъ всегда вооружается. Русскій писатель, которому такъ много нужно еще творить въ своемъ языкѣ, долженъ обладать смѣлостью въ созданіи образовъ и выраженій (см. V, 60). И конечно, никто болѣе Пушкина не имѣлъ права на такую смѣлость, — и онъ пользовался этимъ правомъ со всею силою своего гения, которому такъ много обязанъ нашъ языкъ тѣмъ, что онъ есть теперь.

Переходя отъ формы нашей литературы къ ея содержанію, Пушкинъ не видитъ въ до-петровскомъ періодѣ ничего—или почти ничего, что заслуживало бы вниманія современнаго писателя и было бы для него поучительно. Въ этомъ отношеніи нашъ поэтъ является представителемъ взглядовъ, которые въ его время раздѣлялись всѣми образованными русскими людьми, воспитанными на классической риторикѣ и піитикѣ. «Старой словесности у насъ не существуетъ, говорилъ онъ: за нами—степь, и на ней возвышается единственный памятникъ,—Слово о полку Игоревѣ».—«Петръ создалъ войско, флотъ, науки, законы, но не могъ создать словесности, которая рождается само собою отъ своихъ собственныхъ началъ. Поколѣніе преобразованное презрѣло безграмотную, изустную народную словесность, — и Кантемиръ, одинъ изъ воспитанниковъ Петра, въ путеводителѣ себѣ избралъ Буало». Въ первое время нашей новой литературы — «ничтожество общее: французская обмельчавшая словесность овладѣваетъ всѣмъ; знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ,—Дорать, Флоріанъ, Мармонтель и пр.,—овладѣваютъ русскою словесностью»...

Самымъ крупнымъ представителемъ литературы прошлаго столѣтія, конечно, является Ломоносовъ. Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ «обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія и, между прочимъ, открылъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка». Но—«если мы станемъ

изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда главнымъ и любимымъ его занятіемъ, стихотворство же—иногда забавою,—но чаще должностнымъ упражненіемъ. Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія. Слогъ его, ровный, цвѣтушій и живописный, заимлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго слиянія онаго съ языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему преложенія псалмовъ и другія сильныя и близкія подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ суть лучшія его произведенія. Они останутся вѣчными памятниками русской словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ изучаться стихотворному языку нашему...

Позже, въ статьѣ «Мысли на дорогѣ», Пушкинъ посвятилъ Ломоносову цѣлую главу, въ которой, называя его «первымъ нашимъ университетомъ», замѣчаетъ, что «въ семь университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи—не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекательный... Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. *Его вліяніе на словесность было вредное*, и до сихъ поръ въ ней отзывается: высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ... Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ хемическихъ опытахъ, чѣмъ о должностныхъ одахъ на высокаторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству,—объ этомъ человекѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ ремеслѣ, не думаетъ... За то—съ какимъ жаромъ говорилъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи!...» (V, 221).

О Сумароковѣ Пушкинъ, еще 17-лѣтній юноша, въ своемъ лицейскомъ посланіи къ Жуковскому, отзывается очень презрительно:

Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, надутый Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?

Въ статьѣ «О драмѣ» поэтъ называетъ Сумарокова несчастнѣйшимъ изъ подражателей, а его трагедіи находитъ «исполненными противосмыслия» (V, 144).

Что касается Тредьяковского, то онъ былъ «конечно, почтенный и порядочный человекъ. Его филологическія и грамматическія изъясненія очень замѣчательны; онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываютъ необык-

новенное чувство изящнаго. Въ *Телемахидѣ* находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Вообще, изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго» (V, 225—226).

Приговоръ Пушкина о Державинѣ извѣстенъ своею рѣзкостью, но едва-ли можно назвать его несправедливымъ: «Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни русскаго языка (вотъ почему онъ и ниже Ломоносова)—онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы... Что же въ немъ?—мысли, картины и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ёй-богу, его геній думалъ по-татарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ... У Державина должно будетъ сохранить одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова.—жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ...» (VII, 133).

Вотъ какими являются въ характеристикахъ Пушкина самые выдающіеся представители нашей литературы прошлаго вѣка. Обращаясь къ сужденіямъ поэта объ его современникахъ, прежде всего остановимся на нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ, поднятыхъ критикой 20-хъ и 30-хъ годовъ, — отчасти по поводу произведеній самого же Пушкина. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ, такъ сильно волновавшій тогдашнихъ словесниковъ и рѣшаемый ими вкривъ и вкось, безъ всякаго руководящаго принципа. «Сколько я ни читалъ о романтизмѣ, говоритъ Пушкинъ,—все не то». Собственной теоріи этого литературнаго направленія онъ нигдѣ не излагаетъ,—конечно, потому, что считалъ вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ чисто формальнымъ, и уже личнымъ своимъ примѣромъ проводилъ въ литературу принципъ свободы поэтическаго творчества и поэтическаго реализма. Въ связи съ этимъ воззрѣніемъ стоитъ и приведенное уже выше мнѣніе его о народности въ литературѣ, и мысль о поучительности народной поэзіи для образованнаго писателя.

Слѣдующій затѣмъ вопросъ, также много занимавшій Пушкина, — вопросъ о приличіи и нравственности въ литературныхъ произведеніяхъ. Писатели старой классической школы особенно любили обвинять молодыхъ романтиковъ въ «потрясеніи основъ» нравственности, въ крайнемъ неприличіи сюжетовъ и слога: Н. И. Надеждинъ, въ своей латинской докторской диссертациі «О природѣ такъ называемой романтической поэзіи», строго осуждая новѣйшую литературную развращенность, говоритъ: «Волосы встаютъ дыбомъ при видѣ тѣхъ ужасовъ, какіе подносятъ намъ наша ново-романтическая поэзія. Нѣтъ преступленія столь ужаснаго, чтобы оно считалось недостойнымъ служить предметомъ поэтическаго вымысла; нѣтъ порока столь гнуснаго, чтобы онъ казался несоединимымъ съ эстетическою

красотою. Можно даже сказать, что поэма не признается хорошо составленною, если она не склеена человѣческою кровью, если она не основана, подобно тарпейскому вышгороду, на нѣсколькихъ человѣческихъ головахъ. Всевозможныя насилія, бѣшенство, человѣкоубійство, братоубійство, отцеубійство, самоубійство и самые гнуснѣйшіе пороки—вотъ тѣ украшенія, которыми тщеславно хвалится поэзія, незаконно присвоившая наименованіе романтической!» Тотъ же критикъ, какъ извѣстно, много разъ жестоко нападавшій на Пушкина, говоря о Байронѣ (*celeberrimus Byron, vir ingenii summi, pietatis nullius*) и сравнивая его съ Вольтеромъ,—по его мнѣнію, однимъ изъ самыхъ вредоносныхъ писателей, находитъ, что Байронъ представляетъ явленіе въ своемъ родѣ единственное по крайней безнравственности—и, видя, какъ много у этого «чудовища» развелось подражателей, съ горестью восклицаетъ: «*O tempora, o mores!*» Свобода отъ «питическихъ правилъ», которую проповѣдуютъ романтики, есть въ его глазахъ не свобода, а отчаяніе, печальнѣйшее рабство, симптомъ крайняго упадка, *summa malorum omnium*. Классическая поэзія есть свѣтлый полдень, романтическая мрачная ночь... Низкія страсти, разбойники, цыганы, убійства—вотъ чѣмъ вдохновляются новѣйшіе послѣдователи британскаго изверга и противъ чего благомыслящая критика должна возставать всею силою своего убѣжденія».

Конечно, Пушкинъ не могъ оставить безъ вниманія этихъ обвиненій, которыя, между прочимъ и всего больше, касались и его собственной литературной дѣятельности. Онъ старается ввести вопросъ о литературныхъ приличіяхъ въ надлежащія рамки и зло иронизируетъ надъ современными Тартюфами, слишкомъ щекотливыми насчетъ благопристойности: «эти гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-лѣтняя племянница, у другого—15-лѣтняя знакомая, и все, что по усмотрѣнію родителей не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для 15-лѣтнихъ дѣвчушекъ!.. Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлью или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастье или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль—горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу—въ отвратительную колдунью. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ правоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе» (V, 122—123).

Впослѣдствіи, въ своемъ «Современникѣ», Пушкинъ еще разъ коснулся этого же вопроса, разбирая академическую рѣчь Лобанова «О духѣ словесности», въ которой авторъ нагромоздилъ всевозможныхъ нелѣпостей о французской и русской литературѣ. Эта не-

большая, спокойно написанная статья поэта даетъ вполне ясное и опредѣленное понятіе объ его воззрѣніяхъ на задачи и приемы изящной словесности (V, 299—306).

Не повторяя отзывовъ Пушкина о современной ему критикѣ, которую онъ имѣлъ основаніе ставить очень невысоко, потому что она и въ самомъ дѣлѣ имѣла крайне смутное представленіе о своихъ задачахъ, остановимся на его мнѣніяхъ объ институтѣ, имѣвшемъ такое рѣшительное вліяніе на развитіе нашей литературы, именно— о цензурѣ. Извѣстно, въ какомъ положеніи находились относительно цензуры современники Пушкина и онъ самъ: имена Тимковскаго, Красовскаго, Вирукова—«Грознаго» и другихъ охранителей тогдашней русской словесности удостоились безсмертія, благодаря пушкинскимъ эпиграммамъ. Поэтъ не пускался въ мечтанія о полной свободѣ литературнаго слова: еще въ молодости, въ своихъ знаменитыхъ посланіяхъ «Къ цензору», онъ указывалъ на разницу въ этомъ отношеніи между Россіей и Европой:

Что нужно Лондону, то рано для Москвы.

Но, какъ вѣрный защитникъ просвѣщенія, онъ считалъ себя вправѣ желать и требовать *разумнаго* примѣненія мѣръ предосторожности; а этой-то разумности онъ и не находилъ въ современныхъ литературныхъ условіяхъ. Въ статьѣ своей «Мысли на дорогѣ» (V, 236—237) онъ крайне осторожно и со всевозможными оговорками высказывалъ это простое, повидимому, вполне естественное требованіе, и то опасаясь, какъ бы оно не было принято за проповѣдь революціи; и за эту же самую статью позднѣйшая либеральная критика обвиняла поэта въ угодничествѣ и провозглашала его противникомъ свободы книгопечатанія! Понятны тѣ рѣзкія и горькія восклицанія, какія срывались въ минуты душевной тревоги съ устъ поэта, сознававшаго, что онъ послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишенъ...

Но въ то же время поэтъ сознавалъ, что «дружина ученыхъ и писателей стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности», и что «не должно имъ малодушно негодовать, если вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла».

Литература существуетъ для публики. Мнѣніе Пушкина о современной ему публикѣ было очень невысоко: «Есть у насъ люди, которые выше ея; этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу,—этихъ она любить и почитаетъ» (VII, 31). Онъ любилъ повторять злой вопросъ Шамфора: «сколько нужно глупцовъ для того, чтобы составить публику?» Дѣло въ томъ, что тогдашніе критики, вродѣ, напр., Булгарина и ему подобныхъ, для оправданія своихъ словъ имѣли привычку обращаться къ «почтеннѣйшей» публикѣ или ссылаться на ея мнѣніе, говоря, что оно имъ извѣстно; разнаго рода передержки, сплетни, самыя грязныя инсинуаціи пускались въ ходъ подъ этимъ флагомъ; Булгаринъ, не стѣняясь, кричалъ о небываломъ успѣхѣ своего «Выжигина» и о «полномъ паденіи» *Бориса Годунова*. Эта «публика», литературные вкусы и обществен-

ныя понятія которой воспитывались «Сѣверной Пчелой» и «Сыномъ Отечества», отъ которой Пушкинъ не могъ ждать не только справедливой оцѣнки, но даже и простого пониманія, была для него «чернью», «толпой», отъ которой онъ желалъ замкнуться въ гордомъ уединеніи:

Ты—царь: живи одинъ.

Онъ выше всего цѣнилъ въ писателѣ независимость: «Настоящее мѣсто писателя», говоритъ онъ (V, 312), есть его ученый кабинетъ; независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы». Пушкинъ доволенъ тѣмъ, что это сознание замѣчается и у насъ: «Наши поэты», говоритъ Чарскій въ *Египетскихъ Ночахъ*, «не ходятъ изъ дома въ домъ, выпрашивая себѣ подаенія, а отъ своихъ меценатовъ (чортъ ихъ побери!) требуютъ только одного,—чтобы они не входили на нихъ въ тайные доносы,—и того не могутъ добиться!» (IV, 390). Меценатство и покровительство вообще унизительно: оно дѣлаетъ чело-вѣка рабомъ; въ отсутствіи у насъ покровительства поэтъ видитъ симпатичную черту литературныхъ нравовъ,—но въ то же время не можетъ не возмущаться тѣми отношеніями, какія установились между писателями и литературной «чернью»,—разными самозванными критиками и журналистами. «Покровительство до сей поры сохраняется въ англійской литературѣ. Почтенный Креббъ, умершій недавно, поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы его милости герцогу и пр. Въ Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣтила м-мъ де-Сталь, словесностію занимались большею частію дворяне. Это дало особенную фізіономію нашей литературѣ; у насъ писатели не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными, и подносить свои сочиненія вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получить отъ него пятьсотъ рублей или перстень, украшенный драгоценными каменьями... Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? что нынѣшніе писатели благороднѣе мыслятъ и чувствуютъ, нежели мыслили и чувствовали Ломоносовъ и Костровъ? Позвольте въ томъ усомниться. Нынче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою чело-вѣку, который двумя или тремя чинами выше его, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но который площадной руганью можетъ повредить продажѣ книги или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покупателей. Нынѣ послѣдній изъ писаекъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проповѣдуетъ независимость и пишетъ безыменные пасквили на людей, передъ которыми разстается въ ихъ кабинетѣ»... (V, 226—228).

Въ одномъ изъ отрывковъ къ «Египетскимъ Ночамъ» Пушкинъ изображаетъ самъ себя подъ видомъ своего «пріятеля»—поэта:

«Мой пріятель былъ самый простой и обыкновенный чело-вѣкъ, хотя и стихотворецъ. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе), то онъ запирался въ своей комнатѣ и писалъ съ утра до поздняго вечера, одѣвался на скоро, чтобъ по-

обѣдать въ рестораціи, выѣзжалъ часа на три; возвратившись, опять ложился въ постель и писалъ до пѣтуховъ. Это продолжалось у него недѣли двѣ-три, много мѣсяцъ, и случалось единожды въ годъ, всегда осенью. Пріятель мой увѣрялъ меня, что онъ только тогда и зналъ истинное счастье; остальное время года онъ гулялъ, читая мало и не сочиняя ничего. и слыша поминутно неизбѣжный вопросъ: скоро ли вы насъ подарите новымъ произведеніемъ пера вашего? Долго дождалась бы почтеннѣйшая публика подарковъ отъ моего пріятеля, если бы книгопродавцы не платили ему довольно дорого за его стихи. Имѣя поминутно нужду въ деньгахъ, пріятель мой печаталъ свои сочиненія и имѣлъ удовольствіе потомъ читать о нихъ печатныя сужденія, что называлъ онъ въ своемъ энергическомъ просторѣчїи—подслушивать у кабака, что говорятъ объ насъ холопья». (IV, 399).

Въ тѣсной связи съ характеристикой «пріятеля» стоитъ такъ называемый «аристократизмъ» Пушкина, за который ему доставалось и отъ современниковъ (Рылѣевъ, Полевой, Булгаринъ), а еще больше—отъ потомства, въ лицѣ тѣхъ критиковъ, которые усвоили привычку хватать съ плеча по завѣтнымъ личностямъ всей ладонью. Пушкинъ, какъ извѣстно, гордился своимъ «шестисотлѣтнимъ дворянствомъ»,—любилъ разыскивать на страницахъ Карамзина имена своихъ предковъ, не разъ вспоминалъ объ ихъ судьбѣ и изображалъ ее въ своихъ произведеніяхъ («Родословная моего героя», «Моя родословная», отрывки къ «Египетскимъ Ночамъ»). Все это должно было свидѣтельствовать объ его личности, тщеславіи, увлеченіи вещами, недостойными просвѣщеннаго человѣка,—поэта и литератора. «Къ чему тебѣ дворянство? писалъ Рылѣевъ: будь просто поэтомъ». На самомъ дѣлѣ, однако, въ первой половинѣ нашего вѣка быть только поэтомъ было совсѣмъ не такъ «просто». Наше тогдашнее общество было воспитано на чиновничествѣ, всякія служебныя отличія—чины, ордена,—имѣли въ его глазахъ огромное значеніе; люди, украшенные орденами, считали долгомъ выставять ихъ напоказъ всюду, гдѣ ни появлялись,—на гуляньѣ, въ театрѣ, даже въ трактирѣ; въ этомъ обществѣ не только встрѣчали «по платью», но по платью и провозжали. Чинъ,—хотя бы сенатскаго регистратора,—имѣлъ въ этой средѣ свое определенное значеніе, потому что имъ указывалось на извѣстное, узаконенное общественное положеніе; званіе же литератора или поэта ровно никакого значенія не имѣло, потому что и званія такого не было установлено: «поэтъ» самъ по себѣ былъ равенъ нулю, и даже менѣе; на вопросъ: «кто таковъ?» онъ долженъ былъ отвѣтствовать указаніемъ на свою принадлежность къ одной изъ узаконенныхъ общественныхъ категорій. Державинъ, Дмитріевъ, Карамзинъ, Жуковский имѣли вѣсъ въ обществѣ вовсе не потому, что они были талантливыми поэтами и литераторами, а потому, что первые двое были министрами, а двое послѣднихъ имѣли по двѣ звѣзды. Передъ такими людьми широко растворялись всѣ двери, и никто въ салонахъ того времени не ставилъ имъ въ упрекъ, что они, въ свободное отъ

болѣ важныхъ занятій время, забавляются «пустяками»—ибо эти «пустяки» нисколько не мѣшали имъ проходить свое чиновное поприще. Но Пушкинъ? что такое представлялъ собою Пушкинъ въ глазахъ тѣхъ Фамусовыхъ и Молчалиныхъ, которыми кишѣло окружавшее его общество? Молодой человѣкъ изъ хорошей семьи, съ достаткомъ, со связями, получившій прекрасное воспитаніе въ привилегированномъ заведеніи, стоялъ на прекрасной служебной дорогѣ,—былъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ,—и вдругъ «вообразилъ себя умнѣе всѣхъ», сбился съ пути и отбился отъ рукъ: «чинъ слѣдовалъ ему,—онъ службу вдругъ оставилъ (хотя и несовсѣмъ добровольно),—въ деревнѣ книги сталъ читать»... Можно ли представить себѣ чтонибудь болѣе неумѣстное? Да еще, вдобавокъ, подружился съ такими сорванцами, которые потомъ затѣяли бунтъ, «наводнилъ Россію возмутительными стихами»... «Вотъ молодость: читать! А послѣ—хватъ!»—въ тридцать лѣтъ слишкомъ—только какой-то тамъ «губернскій секретарь», пожалованный въ камеръ-юнкеры не за свои какія-нибудь заслуги, а единственно для того, чтобы дать его красавицѣ женѣ право являться ко двору... Такого малочиновнаго и притомъ «безпокойнаго» господина тогдашніе Фамусовы не могли признавать человѣкомъ своего круга: «въ семью не включимъ, на насъ не подиви!» Въ ихъ глазахъ онъ былъ не больше, какъ случайный, и вдобавокъ—подозрительный,—рагвену, которому они постоянно давали понять, что его только терпятъ, но отнюдь не поощряютъ. Геніальностью нельзя было импонировать этому кругу, ибо геніальность вовсе не предусматривалась тогдашнимъ кодексомъ общественныхъ понятій; законодатели свѣтскихъ салоновъ, по складу своего ума и направленію мысли, въ сущности, недалеко ушли отъ того уральскаго казака, который рассказывалъ, какъ на Уралъ пріѣзжалъ «сумашедшій прусскій принцъ Гумплотъ» (Гумбольдтъ): для нихъ и геніальный поэтъ казался такимъ же сумашедшимъ; они безглаголиво морщились при упоминаніи о литературѣ, какъ о дѣлѣ важномъ и серьезномъ, презрительно называли одного талантливаго публициста—кутейникомъ, другого—купчишкой,—и этотъ купчишка не на шутку долженъ былъ опасаться, что въ одинъ прекрасный день квартальный поведетъ его на веревочкѣ на съѣзжую... Вспомнимъ, какъ маменька губернскаго секретаря Тургенева, столбовая дворянка, относилась къ литературнымъ занятіямъ своего сына, и какъ этого самаго губернскаго секретаря, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Пушкина, свели на съѣзжую за газетную статейку о покойномъ коллежскомъ секретарѣ Гоголѣ.

Вотъ среди какого общества, волей—неволей, приходилось вращаться Пушкину. Удивительно ли, что поэтъ требуя къ себѣ уваженія, долженъ былъ говорить съ этимъ обществомъ на понятномъ ему языкѣ и указывать на свою дворянскую родовитость? Оставаясь «просто» поэтомъ, онъ не могъ рассчитывать на вниманіе; богатства у него не было; что же онъ могъ бросить въ глаза этимъ людямъ, какъ не свое древнее историческое имя? Что же другое могло ихъ

заставить смотрѣть на него, какъ на ровню? А заставить ихъ такъ смотрѣть было необходимо.

Могутъ сказать: онъ долженъ былъ съ презрѣніемъ отвернуться отъ этого общества, уйти въ себя, какъ это сдѣлалъ въ послѣдствіи Лермонтовъ. Но и характеръ, и судьба Лермонтова были совсѣмъ иные. Пушкинъ глубоко презиралъ ту общественную среду, въ которой онъ былъ замкнутъ силою обстоятельствъ; но она была для него ядромъ каторжника,—ядромъ, котораго стряхнуть съ себя у него не было ни силъ, ни возможности. Онъ чувствовалъ себя вполне самимъ собою только въ продолженіе тѣхъ немногихъ недѣль и мѣсяцевъ, которые ему удавалось проводить въ деревенскомъ уединеніи,—въ Михайловскомъ или въ Болдинѣ,—гдѣ его посѣщали и свѣтлыя мысли, и желанное вдохновеніе; но затѣмъ ему опять приходилось возвращаться въ прежній постылый кругъ, изъ котораго не было выхода, который вливался въ него сотнями присосковъ—официальныхъ, семейныхъ, свѣтскихъ, матеріальныхъ литературныхъ и пр.,—и безпощадно пилъ его кровь, доводя порой до отчаянныхъ выкриковъ душевной боли: «Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ!»...

Но именно потому, что онъ родился съ душою и талантомъ,—онъ и не ушелъ бы отъ общества, даже если бы имѣлъ возможность. Глубоко вѣруя въ высокое просвѣтительное, очеловѣчивающее значеніе литературы, онъ считалъ своимъ призваніемъ служить этой высокой цѣли,—«глаголомъ жечь сердца людей», хотя и сознавалъ, насколько непосильна и неблагоприятна эта задача въ его «жестокій» вѣкъ. Онъ надѣялся на дружную поддержку своихъ литературныхъ единомышленниковъ, той «дружины ученыхъ и литераторовъ», которая хотя была и очень немногочисленна, но оставалась вѣрною завѣту «стоять всегда впереди»; онъ рассчитывалъ и на просвѣщенное вниманіе со стороны того, кто въ немъ почтилъ вдохновеніе и освободилъ его мысль...

Минута освобожденія изъ Михайловскаго, откровенная бесѣда съ новымъ государемъ, непохожимъ на своего предшественника,—показалась Пушкину призывомъ къ общественной дѣятельности; онъ былъ увѣренъ, что его «освобожденная мысль» получить возможность дѣйствовать на общество, пробуждая въ немъ тѣ стремленія къ изящной формѣ и разумному содержанію жизни, которые усвоены были самимъ поэтомъ еще въ ранней молодости, невредимо пронесены черезъ всѣ житейскія невзгоды и теперь получали болѣе опредѣленное выраженіе, переходя изъ заоблачныхъ, отвлеченныхъ «вольнлюбивыхъ» надеждъ и мечтаній на реальную почву практической жизни. *Воспитаніе общества путемъ литературы*—вотъ та формула, къ которой можно свести всѣ начинанія Пушкина въ николаевскую эпоху: возможное распространеніе образованія, «пробужденіе добрыхъ чувствъ», въ которыхъ болѣе всего нуждался «жестокій вѣкъ», указаніе—хотя бы отдаленнымъ намекомъ—на иные, высшіе идеалы, чѣмъ тѣ часто-животныя побужденія, какими жило тогдашнее большинство. Поэтъ надѣялся достигнуть этой цѣли

и вѣрилъ въ нее, не смотря на всѣ горькія разочарованія, которыя ежедневно приносила ему суровая дѣйствительность. Изъ своего деревенскаго затворничества онъ вынесъ самостоятельное творчество, интересъ къ родной исторіи и народной поэзіи; чтеніе лѣтописей и Карамзина вызвало «Бориса Годунова»; знакомство съ народной поэзіей сказалось переработкою пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ, этомъ, по выраженію Пушкина, единственномъ героическомъ лицѣ старой нашей исторіи. Въ исторіи времени болѣе близкаго къ намъ поэтъ былъ особенно увлеченъ колоссальною личностью Петра Великаго, творца новой Россіи и ея новаго государственнаго строя. Образованіе государственной силы подъ руководствомъ централизаціи, блескъ власти и патриотизмъ, развернувшій въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ подъ вліяніемъ политическихъ событій, производили на поэта очень сильное впечатлѣніе: отъ сильной власти онъ ожидалъ для Россіи всѣхъ благъ цивилизаціи, если только эта власть приметъ себѣ за образецъ «вѣчнаго работника на тронѣ», который «придалъ мощно бѣгъ державный кромѣ роднаго корабля». Личность царя-преобразователя являлась поэту съ разныхъ сторонъ,—но всегда въ ореолѣ славы и величія, какъ высокій идеалъ для потомковъ («семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,—во всѣмъ будь пращурю подобенъ...»): онъ изображалъ Петра и въ поэмахъ, и въ мелкихъ стихотвореніяхъ, и въ разсказѣ изъ жизни своего прадѣда Ибрагима и, наконецъ, задумалъ собирать матеріалы для исторіи этой гениальной личности, такъ сильно подѣйствовавшей на воображеніе поэта. вмѣстѣ съ тѣмъ, но уже въ гораздо меньшей степени, занимали Пушкина и другія историческія лица:—Екатерина II, Пугачевъ... Но занятія исторіей Петра Великаго точно такъ же, какъ и исторія пугачевского бунта, были только случайными эпизодами въ литературной дѣятельности поэта. Не смотря на то, что съ перваго же пріѣзда въ Москву ему пришлось убѣдиться, что онъ совершенно напрасно считалъ свою мысль «освободженною»,—его неудержимо влекло къ непосредственному воздействию на общество. Онъ видѣлъ всю мерзость заступствія тогдашней литературы, съ ея знаменитымъ триумвиратомъ изъ Булгарина, Греча и Сенковского,—видѣлъ младенчество критики, дикость литературныхъ нравовъ,—и ему удалось уговорить лицейскаго товарища, Дельвига и кружокъ ближнихъ людей выступить съ изданіемъ «Литературной Газеты», которая должна была, какъ ему казалось, давать токъ литературѣ и прививать ей всего болѣе отсутствовавшую въ тогдашней періодической печати порядочность. Но ни у самого Пушкина, ни у его друзей не хватало выдержки и терпѣнія для того, чтобы спокойно и хладнокровно разбираться въ современной литературной жизни; люди благомыслящіе, съ которыми онъ могъ бы столкнуться, не смотря на нѣкоторую разницу въ убѣжденіяхъ,—Надеждинъ, Полевой,—не дорожили его союзомъ какъ публициста и критика, и недальновидно раздражали его своими иногда ребяческими нападками, играя въ руку шайкѣ разбойниковъ пера; притомъ, Пушкинъ плохо считался и съ «независящими

обстоятельствами», которыя въ то время играли въ нашей литературѣ первостепенную роль... «Литературная Газета» продержалась очень недолго.. Но Пушкинъ, все таки, не оставилъ мысли о необходимости создать въ нашей печати такой органъ, который могъ бы воспитательно дѣйствовать на читателей,—хотя и сознавалъ, что «очищать русскую литературу есть—чистить н... ..и зависѣть отъ полиціи». Ему все-таки казалось, что эта воспитательная задача можетъ и должна быть посильнымъ трудомъ литератора уже въ силу самого его званія, какъ передового борца просвѣщенія,—не взирая на все трудности и непріятности «ремесла»,—и онъ съ большою горячностью и увлеченіемъ принялся за изданіе своего «Современника». Количество и характеръ статей, написанныхъ Пушкинымъ для первыхъ томовъ этого журнала, показываютъ, какъ серьезно смотрѣлъ поэтъ на это новое свое дѣло и съ какою осторожностью умѣлъ онъ проходить мимо многочисленныхъ аргументовъ, зорко слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ... Но судьба, упорно удерживавшая поэта въ кругу Фамусовыхъ и Скалозубовъ, уже готовила ему «горе отъ ума». Вопросъ о томъ, кто именно былъ зачинщикомъ тѣхъ пасквилей, которые привели Пушкина къ роковой дуэли съ Дантесомъ,—по всей вѣроятности, никогда вполнѣ не разъяснится, да это и не важно,—дѣло не въ личности, а въ томъ общественномъ кругу, порожденіемъ котораго была эта интрига. Гнусное дѣло было задумано очень хитро; враги Пушкина били безъ промаха: каковъ бы ни былъ исходъ поединка,—на личной судьбѣ поэта онъ, все-равно, отразился бы крайне тяжело:—его ждала если не смерть, то заточеніе и ссылка. Смерть была, можетъ быть, еще лучшимъ исходомъ...

Характеризовать значеніе Пушкина для нашей литературы и общественности,—послѣ всего того, что объ этомъ написано,—трудъ совершенно лишній: въ настоящее время этотъ вопросъ, кажется, уже не возбуждаетъ принципиальныхъ сомнѣній; разногласія могутъ быть развѣ только въ мелочахъ,—и объясняются, большею частью, недостаточнo внимательнымъ отношеніемъ къ эпохѣ Пушкина, окружавшимъ его людямъ, а также—и къ личному его характеру. Пушкина упрекаютъ въ недостаточной твердости и послѣдовательности,—въ томъ, что онъ въ своихъ общественныхъ убѣжденіяхъ постоянно находился подъ двойнымъ и противоположнымъ впечатлѣніемъ—ненависти къ насилию и обаянія сильной власти,—постоянно колебался въ этомъ противорѣчьи, подаваясь то на ту, то на другую сторону, въ зависимости отъ впечатлѣнія минуты. Это до известной степени справедливо, такъ какъ именно впечатлительность была основною чертою характера нашего поэта; въ ней была его сила и слабость; она подняла его до гениальности, и она же не разъ вовлекала его въ грѣхъ,—и въ частной жизни, и въ литературной дѣятельности. Страстная потребность отозваться на всякое явленіе жизни, на все окружающее, дѣлала Пушкина жизнежаждущимъ человекомъ и великимъ художникомъ. Въ немъ судьба соединила все условія, все права на прямое наслѣдство всего подготовленнаго въ русской ли-

тературѣ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Впечатлѣнія дѣтства связывали его со всѣмъ объемомъ русской жизни,— съ мирною красотою деревенской природы и сельскимъ бытомъ, съ барствомъ, пропитаннымъ философіею XVIII столѣтія, и съ кружкомъ людей, преимущественно занятыхъ литературою; онъ принесть въ лицей уже готовую жажду сочувствія, потребность вдохнуть въ себя все неизвѣстное, что судила ему жизнь, и неотступную чуткость къ ритму, который онъ ловилъ во всемъ окружающемъ. Онъ принесть въ школу художественное чутье, благодаря которому всякое явленіе воспринималось имъ изящно. Сквозь всю его жизнь проходить и съ каждымъ годомъ растеть изящество формы его произведеній; содержаніе ихъ мѣняется, но сохраняется и развиваетъ всѣ задатки, вынесенные изъ дѣтства и отрочества,— задатки впечатлѣній первоначальныхъ и потому—неизгладимыхъ. Такъ, онъ сохранилъ съ дѣтства воспринятый свѣтлый скептической реализмъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка, и пронесъ его сквозь всѣ позднѣйшія попытки усвоить мрачные идеалы байронизма; такъ, онъ въ одно время и проповѣдывалъ любовь къ изяществу старинной аристократіи, вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ вульгарному,— и глубоко уловилъ русскій народный мотивъ, и сумѣлъ выразить и то, и другое съ гениальнымъ мастерствомъ. Его общественныя убѣжденія были сбивчивы, лишены программной прямолинейности; но, во-первыхъ, надъ всѣми его противорѣчіями всегда и неизмѣнно поднималось сочувствіе къ просвѣщенной свободѣ и вражда къ рабству и насилію; во вторыхъ, его принципиальныя ошибки раздѣлялись въ его время многими передовыми представителями русскаго просвѣщенія (напр., Бѣлинскимъ—въ первомъ періодѣ его дѣятельности), а въ третьихъ,— и это самое главное,— Пушкинъ былъ прежде всего и больше всего *поэтъ*, т. е. человѣкъ впечатлѣнія и чувства, воплощаемыхъ въ художественномъ творествѣ, а не мыслитель и публицистъ. Онъ самъ мѣтко выразилъ это различіе въ характерѣ поэта и мыслителя, когда на слова Рылѣва: «Я не поэтъ, я—гражданинъ» отвѣтилъ: «Если хочешь гражданствовать, то пиши прозою». Дѣло тутъ было, разумѣется, не въ формѣ, а въ сущности: каждому свое. И въ томъ, что было *своимъ* для Пушкина, онъ до сихъ поръ не знаетъ себѣ равнаго въ нашей литературѣ. Быть можетъ, настанетъ время (и будемъ вѣрить, что настанетъ), когда явится другой поэтъ, достойный преемникъ Пушкина, который соединитъ въ своемъ творествѣ обѣ эти стороны чувства и мысли,— и тогда исполнится вдохновенное пророчество Гоголя, который вѣрилъ, что «изъ этихъ дорогихъ металловъ выкуется иная, сильнѣйшая рѣчь, и пройдетъ эта рѣчь уже насквозь всю душу, и не упадетъ на бесплодную землю. Скорбію ангела загорится наша поэзія и, ударивши по всѣмъ струнамъ, какія ни есть въ русскомъ человѣкѣ, внесетъ въ самыя огрубѣлыя души святыню того, чего никакія силы и орудія не могутъ уничтожить...»

П. Морозовъ.